

Елена Байбикова

НЕСКАЗОЧНОЕ НАЧАЛО ЯПОНСКОГО ДЕТЛИТА: УЧЕБНЫЕ ЖАНРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАРОЖДАЮЩЕЙСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной статье на материале учебной литературы анализируется динамика межкультурного обмена, формировавшего ландшафт японской детской литературы на протяжении нескольких веков, от ее зарождения в середине XVII в. и до наших дней. На примере учебников, энциклопедий и других типов изданий показана многогранность учебных жанров, также раскрывается их роль в формировании зарождающейся идентичности детской литературы в Японии в сопоставлении с другими жанрами. В качестве аналитической рамки предлагаются три различных толкования понятия «зарождение национальной детской литературы» наряду с концепцией направленности культурного трансфера. Через конкретные примеры из истории японских детских книг исследуются особенности различных поджанров учебной литературы, таких как энциклопедии, учебники и развивающие тетради и выявляется роль культурного трансфера на ранних этапах формирования детской литературы. Проанализировав результаты исследования можно утверждать, что независимо от времени и характера взаимодействия агента трансфера с текстом, учебные жанры являются важным элементом жанрового спектра зарождающейся японской детской литературы — как национальной, так и глобальной.

Ключевые слова: национальная детская литература, глобальная детская литература, культурный трансфер, перевод учебной литературы, справочная литература, интериоризация, экстериоризация

Елена Михайловна Байбикова
Университет иностранных языков города Кобе,
Кобе
baibikov@inst.kobe-cufs.ac.jp

Прежде чем рассматривать тему, вынесенную в заголовке после двоеточия этого очерка, будет нелишним определить, какой исторический момент может считаться началом, своего рода точкой зарождения национальной детской литературы. Тот ли это рубеж, когда в конкретной культуре появляются первые книги, написанные специально для детей? Или же обязательными условиями для зарождения национальной детской литературы является существование национального государства и подразумеваемого массового читателя? А может быть, в контексте глобализации, полноценным началом становления национальной литературы является ее широкое признание за пределами своей культуры, когда она начинает быть востребованной другими нациями в качестве литературы, имеющей характерные национальные черты?

И что именно мы имеем в виду, когда говорим о детской литературе? Возможно, кому-то ответ кажется самоочевидным, но в академических кругах к началу второго десятилетия XXI в. определение детской литературы все еще оставался вопросом спорным [Reynolds 2011], и, как представляется, за последнее десятилетие ситуация кардинально не изменилась. В очень широком смысле детская литература определяется исследователями как совокупность письменных произведений, бытование которых обусловлено «предполагаемыми отношениями» с детской читательской аудиторией и которые «полезны для детей... с точки зрения эмоциональных и моральных ценностей» [Lesnik-Oberstein 1996, 15] — будь то произведения, специально предназначенные детской аудитории или же вошедшие в круг чтения детей. А если еще шире, то детская литература может включать в себя «все от народных и волшебных сказок, мифов и легенд, баллад и детских песен» до «электронных книг, фанфиков и компьютерных игр» [Reynolds 2011, 2].

Примечательно, что в этом перечне не упомянута учебная и справочная литература. Не упоминается она и в классификации жанров, предложенной Нэнси Андерсон [Anderson 2006, 2]. Это может свидетельствовать о том, что, хотя на концептуальном уровне учебники и воспринимаются как неотъемлемая часть детской литературы [Baibikov 2024], они не рассматриваются как нечто жанропорождающее, лежащее у ее истоков¹. Тем не менее, описывая развитие детской литературы в разные исторические периоды в различных странах и регионах, исследователи, как правило, начинают описание с тех ранних, начальных этапов, когда с расчетом на детей создавались книги, преимущественно предназначенные для учебных и образовательных целей.

Так, например, Шейла Рэй упоминает в этом контексте учебник «Мир чувственных вещей в картинках» (Orbis Sensualium Pictus) Яна Амоса Коменского, вышедший в Нюрнберге в 1658 г., а также «учебники XX в., изданные для поддержки официальной школьной программы в развивающихся странах» [Ray 1996, 645, 647]. В «Сказке и были» Бена Хеллмана история русской детской литературы также начинается с учебных пособий — букварей и азбук [Hellman 2013, 1]. Так что японские историки детской литературы в этом не исключение: Дзингу Тэруо открывает свой исторический обзор японского детлита описанием вышедшей в 1666 г. иллюстрированной энциклопедии «Киммо дзуи» Накамуры Тэкисяя [Jinguh 1996], а коллега Дзингу, Торигоэ Син, в своей основополагающей монографии «Первые шаги в изучении истории японской детской литературы» берет за точку отсчета учебники для начальной школы, созданные известным просветителем Фукудзавой Юкити: «Киммо кюри дзукай» (1868) [Иллюстрированное естествознание для начинающих] и «Сэкай кунидзукуси» (1869) [Все страны мира] [Торигоэ 2001, 3].

В данном очерке учебные книги рассматриваются в качестве первых детских книг, своего рода «стартовой точки» детской литературы. Однако было бы интересно взглянуть на них в контексте проблематики, связанной с культурным трансфером (то есть заимствованием и переосмыслением концепций на новой культурной почве), проследив особенности таких процессов, как интериоризация и экстериоризация текстов и идей. Такой угол зрения позволит нам продемонстрировать, что важным жанровым элементом зарождающейся детской литературы выступают не только сказки и фольклор, но и различные учебные жанры.

В европейском контексте одним из первых известных на сегодняшний день примеров культурного трансфера в области учебной детской литературы является уже упомянутый выше «Мир чувственных вещей в картинках» Я.-А. Коменского. Исследователи отмечают, что в отсутствие «равно хороших альтернатив» учебник, концепция которого была «столь же проста, сколь гениальна», быстро распространился не только по школам Германии, но и по всей Европе [Stadt- und Landesbibliothek Potsdam 2010, 22]. Известно, что «Мир чувственных вещей в картинках» был переведен почти на два десятка языков [Fijałkowski 2010, 17] в том числе и на русский. В частности, осмысление контактов нескольких педагогических культур на примере ранних русскоязычных переводов этого учебника предпринято в работе «К вопросу о ранних пере-

водах „Orbis sensualium pictus“ Яна Амоса Коменского на русский язык» [Безрогов 2017].

Разумеется, будучи глобальным явлением, культурный трансфер не ограничивается европейским, «западным» в широком смысле слова, контекстом. Это общемировой феномен, который рассматривается в данной публикации на примере все еще недостаточно изученных межкультурных связей Японии в области учебной детской литературы. В свете предложенных в первом абзаце трех трактовок понятия «зарождение национальной детской литературы», можно определить хронологические рамки наших изысканий: период с середины XVII в. до начала XXI в., где выделяются три важных рубежа:

1. 1660-е гг. — появление в Японии первых книг для детей (известных на сегодняшний день);
2. 1868–1869 гг. — начало формирования национального государства и основ школьной системы;
3. нулевые годы XXI в. — начало «глобализации» японской литературы (в том числе и детской).

В аспекте культурного трансфера эти «точки» хронологически контекстуализируются следующим образом: первая «точка» относится к историческому периоду сёгуната Токугава (1603–1868), когда Япония придерживалась политики изоляции от внешнего мира, за исключением отношений с Китаем. Вторая точка соответствует началу реставрации Мэйдзи (1868–1889) — периода, с которым связан быстрый переход Японии от самоизоляции к открытости, т.е. к активному заимствованию и адаптации политических, технологических, экономических и культурных элементов из различных частей мира. Что же касается нулевых годов XXI в., то историки включают их в «потерянное двадцатилетие» — период долговременной экономической стагнации, когда Япония сделала ставку на «мягкую силу», направленную на культурное влияние и продвижение языка, а также сотрудничество в сфере образования [Королев, Кудрявцева 2014].

Соответственно, произведения, о которых пойдет речь в данном очерке — это уже упомянутые выше энциклопедия «Киммо дзуи» (1666) и учебник географии «Сэкай кунидзукуси» (1869), а кроме того «Кумон дориру» (в русском переводе: «Развивающие тетради Кумон»), распространение которых за пределы Японии началось в первые годы XXI столетия.

Энциклопедия «Киммо дзуи»: внутриконтурная интериоризация

Исследователи отмечают, что первые книги для детей появились в Японии во второй половине XVII в. [Jinguh 1996; Ногами 2008; Williams 2012; Kimbrough, 2015 и др.], во время правления Иэцунуи — четвертого сёгуна династии Токугава, правившей Японией с 1603 г. по 1868 г. Самым ранним из известных нам на сегодняшний день образцом таких книг считаются так называемые «книги Тёкуро» — собрание из десяти книг, обнаруженных не позднее 1950 г. в деревянной статуе бодхисатвы Дзидзо, покровителя детей, в ныне не действующем храме Идзавадзи (г. Мацусака, преф. Миэ). Эти книги, опубликованные в годы правления Камбун и Эмпо (1661–1677) в регионе Камигата, исторически включавшем в себя города Киото и Осака с окрестностями, были памятным подношением купца по имени Обия Дзирокити своему умершему в 1678 г. сыну Тёкуро [см. напр., Ногами 2008, 61; Williams 2012, 27]. Точный возраст сына Дзирокити на момент смерти неизвестен, но предположительно ему было не меньше восьми и не больше шестнадцати лет [Kimbrough 2015, 112–113].

Исходя из того, что владельцем книг был ребенок, а также опираясь на формальные (напр., соотношение текста и иллюстраций), сюжетные (напр., преобладание рассказов о приключениях великих полководцев) и стилистические (напр., отсутствие свойственных литературе того времени эксплицитных указаний на различные моральные и философские принципы) характеристики текстов из этого собрания, исследователи приходят к выводу, что речь идет о книгах для детей. Однако невозможно достоверно утверждать, что это именно так, по крайней мере, этому до сих пор не найдено никакого документального подтверждения. Вполне вероятно, что эти книги предназначались для взрослых, но, будучи ориентированы на малообразованную аудиторию, попали в круг детского чтения.

Иначе обстоит дело с иллюстрированной энциклопедией «Киммо дзуи» [Собрание картинок для обучения], первой книгой энциклопедического жанра на японском языке. Существует письменное свидетельство самого автора о том, что энциклопедия создавалась им специально для детей. В данном случае — его собственных. Это было многотомное издание, состоявшее из 20 томов, сброшюрованных в 14 тетрадей, которые содержали основные сведения об окружающем мире. Основной целью было обучить читателя названиям разнообразных вещей и явлений, разбитых на семнадцать категорий. Составитель энциклопедии, философ-неоконфуцианец

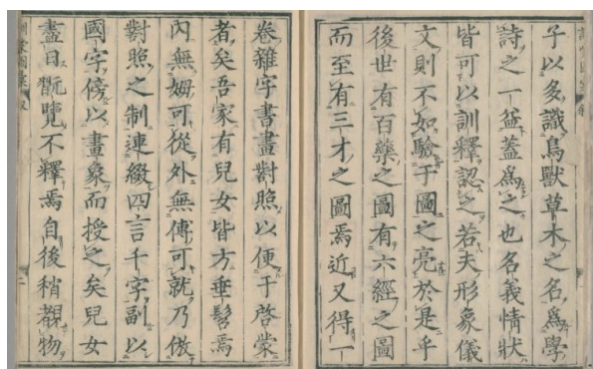

Рис. 1. Предисловие Тэкися к первому изданию, из архива Национальной парламентской библиотеки

и специалист по лечебным травам, Накамура Тэкисай (1629–1702), так писал в предисловии к «Киммо дзуи» (рис. 1):

В нашей семье есть малолетние дети. Но нет ни няньки, которая бы занималась с ними в родных стенах, ни учителя, который бы обучал их вне дома. Я написал для них строчками в четыре иероглифа учебник на манер «Сэндзимон»², добавив в текст слоговую азбуку, а сбоку — картинки [Накамура 1666, тетрадь 1, 2 разворот, левая сторона].

Кроме недвусмысленного целеполагания самого Накамуры, существуют дополнительные свидетельства того, что и в его время, и в более поздние периоды «Киммо дзуи» действительно использовалась преподавателями в качестве целевого учебного пособия для детей [Исигами 2018, 73]³. Но с позиций собственно теории культурного трансфера эта энциклопедия интересна тем, что она создавалась на основе китайских источников, как в концептуальном плане (отсылка в предисловии к китайскому формату «Сэндзимон»), так и с точки зрения структуры и содержания. Выше уже упоминалось, что автор энциклопедии Накамура Тэкисай был гербалистом и приверженцем неоконфуцианской доктрины (чжусианства). Как известно, он занимался изучением многотомной китайской энциклопедии «Сань цай ту хуэй» (1607) [Собрание иллюстраций, рисующих Небо, Землю и Человека]⁴, а также исследовал «Нун чжэн цюань шу» (1639) [Полный [свод] писаний об управлении земледелием], монументальный труд Сюй Гуанци, крупнейшего ученого империи Мин.

Рис. 2. Шестой разворот том «Птицы» в десятой тетради «Киммо дзуи», из архива Национальной парламентской библиотеки

Именно эти две китайские энциклопедии использовались при создании «Киммо дзуи» [Исигами 2018, 71]⁵, чем, вероятнее всего, обусловлена ее структура, повторяющая структуру китайских *лэйшу* (традиционных иллюстрированных энциклопедий), которая характеризуется организацией разнообразных элементов в компактные и зачастую иллюстрированные блоки информации. Однако «Киммо дзуи» воспроизводила эту структуру в упрощенном варианте: в иллюстрированных разделах энциклопедии (тетради с 3 по 14) использовались крупные, композиционно несложные иллюстрации, каждая из которых была снабжена не только китайским и японским названиями, но и вариантами произношения, а иногда — краткими объяснениями⁶ [Накамура 1666] (рис. 2).

Такое упрощение указывает на то, что Тэкисай, заимствуя новый для Японии того периода энциклопедический формат, целью которого было представить срез всего доступного на определенный момент времени знания, осваивает его через адаптацию для ранее не существовавшей читательской категории. А именно — для детей⁷. Таким образом, на внутреннем контуре (с точки зрения структуры, тематического наполнения и жанровых особенностей

книги) происходит интериоризация текста, а на внешнем контуре (с точки зрения направленности книги вовне) — концептуально переосмысливается целевая аудитория и выделяется новая категория читателей⁸.

Учебник географии «Сэкай кунидзукуси»: интериоризация на идейном уровне

На протяжении всего периода Токугава — с начала XVII–XVIII вв. и до реформ эпохи Мэйдзи — в Японии складывалась система обучения, которая стала прообразом современного школьного образования. В этот период доминировавшая прежде внешкольная форма обучения (предполагавшая индивидуальное преподавание на дому, в рамках которого, в частности, использовалась энциклопедия «Киммо дзуи») постепенно уступала место храмовым или княжеским школам⁹. Хотя эти школы во многом отличались друг от друга, общим для них было отсутствие специальных учебных пособий: в храмах дети учились читать и писать по письмовникам *ораймоно*, а в княжеских школах — по текстам древних китайских классиков, которые заучивали наизусть и на продвинутых этапах обучения пересказывали и толковали [Исигами 2018, Прасол 1998]. Такие школы не подразумевали отдельной детской аудитории с отличающимися от взрослых образовательными потребностями¹⁰.

С наступлением смутного времени, называемого «бакумацу» (1853–1869), с одной стороны усилились националистические и ксенофобские настроения, а с другой — возрос интерес к европейским наукам и технологиям. Ситуация во всех сферах жизни начала кардинально меняться. Итогом бакумацу стала реставрация Мэйдзи.

Учебник «Сэкай кунидзукуси» [Все страны мира] увидел свет в 1869 г., на второй год реставрации Мэйдзи, когда происходило активное формирование японской национальной идентичности: «новый человек» ковался государством в армии, а «новый ребенок» — в системе начального школьного образования (примечательно, что и армейская служба, и обучение в начальной школе стали в Японии обязательными одновременно — в 1870 г.) [Каратани 2004, 85]. Автором учебника был Фукудзава Юкити (1835–1901) — журналист, писатель, философ-модернизатор и переводчик.

Фукудзава также известен как талантливый и увлеченный педагог. В 1858 г. он основал школу-пансион Кэйю Гидзюку, которая

позднее стала первым частным университетом Японии. Но до того, как это произошло, Фукудзава последовательно и основательно выстраивал образовательную структуру, включая ее элементарную ступень — начальную школу [Baibikov 2020]. Это касалось и дидактических компонентов этой системы, то есть учебных пособий: Фукудзава написал, или, точнее, перевел и обработал первые в Японии современные учебники. Учебник по естествознанию «Кинмо кюри дзукай» (1868), который вышел годом раньше, чем «Сэкай кунидзукуси», также был основан на западных источниках, но именно книга по географии, будучи первым учебником, описывающим образ жизни и характерные особенности представителей пяти рас, вскоре стала бестселлером. Некоторые источники указывают на то, что было продано до миллиона экземпляров учебника [Минамото 1997, 2].

В 1872 г., после принятия «Основного закона об образовании», учебники Фукудзавы были утверждены в рамках национальной учебной программы и по ним велось преподавание в школах по всей Японии. Влияние этого учебника на развитие современной детской литературы пока мало изучено, но он, несомненно, был одной из первых массовых детских книг, основывающихся на западных, а не на китайских источниках¹¹.

Здесь важно указать не только на образовательную, но и на социальную и культурную роль учебников для начальных классов. Учебные книги для младших школьников подводят детей к новому восприятию самых разных аспектов окружающего мира, являются «воротами» в более широкий социокультурный контекст, выходящий за рамки семьи и школы. Но в то же время они служат проводниками культурно-специфических ценностей, стереотипных образов и т. д. [Baxter 2007]. Подробный анализ «Сэкай кунидзукуси» показывает, что несмотря на то, что учебник был, по сути, сборником, составленным из переведенных глав различных западных книг по географии, он являлся фактором (и индикатором) формирования культурной, социальной идентичности и национального самосознания.

Во вступительном слове Фукудзава, не указывая конкретные источники, поясняет, что его учебник состоит из переведенных фрагментов различных американских и британских книг по географии и истории [Фукудзава 1871, разворот 5]. Но хотя источники в предисловии и не названы, современные исследования «Сэкай кунидзукуси» убедительно показывают, что за основу Фукудзава взял учебник американца Самуэля Августина Митчелла, известный под своим

сокращенным названием «Mitchell's School Geography» (Школьная география Митчелла; далее по тексту — MSG) [Uchiyama 2009, 68]. Так же Фукудзава отдельно подчеркивает, что предлагаемый читателям учебник состоит из сухих фактов, и его собственные идеи никак не отражаются в тексте [Фукудзава 1871, разворот 5]. Однако, проанализировав принципы выбора материалов для перевода, метод компиляции текста, а также добавления «от переводчика», разбросанные по всему тексту (например, нелестное описание тогдашней Японии как страны, не обладающей технологическими знаниями, население которой к тому же неспособно к английскому языку), можно сказать, что работа Фукудзавы по созданию учебника — это нечто большее, чем просто «перевод».

Принципы отбора и компиляции материалов для перевода

«Сэкай кунидзукуси» состоит из шести томов: по одному тому с общими сведениями о народах (их истории, географических условиях проживания, расах и т. д.) на каждый континент — Азия, Африка, Европа, Северная и Южная Америка — и дополнительный том с описанием различных географических дисциплин, таких как физическая и социально-экономическая географии и др. Первые пять томов структурно взаимосвязаны, представляя маршрут кругосветного путешествия с Востока на Запад с отправной точкой в Азии. Примечательно, что такое путешествие Фукудзава проделал несколькими годами ранее с миссией Такэноути в качестве переводчика¹². В учебнике Митчелла, который лег в основу «Сэкай кунидзукуси», порядок изложения и содержание томов были иными [Mitchell 1849] (табл. 1).

Ключевым для понимания этих структурных различий является понятие «Запад», объединяющее Америку и Европу. Видоизмененная структура позволяет Фукудзава представить обобщенный Запад как центральный регион, заслуживающий большего внимания со стороны читателей, к тому же информация о других регионах дается в сокращенном виде (общий объем томов по Европе и Северной Америке несколько превышает объем трех остальных томов).

Что касается содержания, то у Фукудзавы Запад недвусмысленно представлен как превосходящий другие регионы в технологическом и цивилизационном развитии, но это превосходство не позиционируется как обусловленное расовыми различиями¹³. Также примечательно и то, что Япония не упоминается ни в азиатском томе, ни в разделе, посвященном расам и этапам развития

Таблица 1. Структурные различия учебников Митчелла (1849) и Фукудзавы (1869)

№ тома	MSG	«Сэкай кунидзукуси»
1	Объяснение географических понятий	Географическое описание Азии
2	Географическое описание Северной Америки	Географическое описание Африки
3	Географическое описание Южной Америки	Географическое описание Европы
4	Географическое описание Европы	Историческое и социокультурное описание Северной Америки
5	Географическое описание Азии	Географическое описание Южной Америки
6	Географическое описание Африки	Описание географических дисциплин и понятий

общества. Поэтому читатели «остаются в неведении относительно того, как выглядела Япония в глазах европейцев и американцев на разных этапах развития цивилизации» [Takezawa 2015].

Можно предположить, что описанные выше особенности текста, обусловленные специфическими принципами отбора и компиляции, были призваны стимулировать читателей к переоценке собственной национальной культуры именно в сопоставлении с другими культурами, и именно в контексте иерархической классификации культур, постулирующей превосходство Запада.

Учебник и паратекст

В своей работе, посвященной учебнику Фукудзавы, Акико Утияма [Uchiyama 2009] описала одно интересное отличие «Сэкай кунидзукуси» от «Школьной географии Митчелла»: Фукудзава переместил иллюстрацию, описывающую этапы развития цивилизации, из раздела «Stages of Society» (первый том MSG) в третий, «европейский» том, посвященный описанию стран Европы. Более того, он добавил к иллюстрациям пояснительный текст, в котором подчеркнул, что для того, чтобы достичь современного уровня цивилизации, Европа успешно прошла через все эти этапы.

Рис. 3. Разворот из европейского тома «Сэкай кунидзукуси» (1871).
Электронный архив учебников новейшего времени, Национальный
институт образовательной политики

В том же третьем томе, на последних его страницах, находится дополнительный пример «добавления от переводчика», заслуживающий отдельного рассмотрения. Прежде чем знакомить своих читателей с Россией, Фукудзава добавляет целый абзац, посвященный возможности резкого цивилизационного скачка при соблюдении определенных условий (рис. 3):

Еще около двухсот лет назад Россия была небольшой аграрной северной страной, где образование не ценилось. Ее населял грубый народ, живший в тяжелых условиях. Однако к концу XVII века (примерно в период Гэнроку в японской истории) там появился талантливый и умный правитель по имени Петр, который перестроил страну в кратчайшие сроки. [Россия] затем стала цивилизованной нацией, подобно Англии, Франции и Голландии. Петр основал школы и построил российский флот. Он защищал русские земли, завоевывал чужестранные и заложил основы [для России] не только для присоединения к другим европейским странам, но и для становления [России] как одной из великих держав, известной сегодня своей мощью и силой [Фукудзава 1871а, т. 3, развороты 28–29].

Итак, Фукудзава завершает свой отчет о Европе рассказом о России. Это представляется не случайностью, а осознанным выбором,

учитывая, что последней остановкой миссии Такэноути в Европе был Лиссабон, а не Санкт-Петербург. Россия появляется последней среди наиболее подробно описанных стран на этом пути как раз для того, чтобы послужить примером, позволяющим Фукудзаве подчеркнуть важный момент: развитие цивилизации имеет прогрессивный, а не абсолютный — то есть предопределенный расовой спецификой — характер. Россия предстает в его учебнике ярким, вдохновляющим примером страны, которая использовала свой потенциал для продвижения на пути к становлению империи и, что важно, стала цивилизованным государством сравнительно недавно. Следовательно, «получивилизованная» (в терминологии Фукудзавы) на момент, когда писался учебник, Япония однажды станет полностью цивилизованной страной, как это произошло, на его взгляд, с Россией.

Вообще такие категории как «цивилизованный» или «получивилизованный» не вполне четко присвоены странам, а лишь кратко упомянуты Фукудзавой в разделе о развитии японской цивилизации. Тем не менее он, судя по всему, предполагал, что читатели смогут сделать верные выводы сами. Вероятно, именно для того, чтобы в этом им помочь, Фукудзава и добавил в «Сэкай кунидзукуси» «скрытое» сравнение между Японией и Россией. Общим элементом тут выступает изначально низкий «цивилизационный» статус обеих стран по отношению к Европе и Америке. И хотя на момент написания «Сэкай кунидзукуси» Россия уже завершила свой путь и «влилась в ряды» цивилизованных наций, а Япония только начинала движение в этом направлении, для Фукудзавы это были сравнимые сущности. И сравнивая их, он основывался на подобии, если не равенстве свойств — «Япония равна России»¹⁴.

Таким образом, Фукудзава, особенно не заботясь о формальной стороне культурного трансфера и соблюдении структурных соответствий в тексте и т. д.¹⁵, способствует интериоризации на идейном уровне двух концепций: во-первых, концепции иерархии наций с Западом во главе и, во-вторых, того, что сегодня принято называть «реляционной концепцией идентичности» [Hagström & Gustafsson 2015, 17], при которой самоопределение строится на основании представлений о Другом и сопоставлении себя с Другим. Через использование этого дихотомного сопоставления/противопоставления текст Фукудзавы формировал у читателей «иноцентричную» точку зрения, с которой те могли оценивать национальную культуру Японии.

Примечательно, что спустя почти 150 лет после появления «Сэкай кунидзукуси» произошла своего рода «экстериоризация» — переход факта истории из сугубо исторического, внутреннего плана во внешнюю, практическую плоскость. В 2017 г. учебник Фукудзавы был переведен на современный японский язык (*гэндайго-яку*) именно в качестве учебного пособия, и в результате такого интракультурного трансфера у современных школьников появилась возможность переосмыслить отдельные аспекты своей идентичности через сопоставление себя и Другого, где в роли Другого выступает японская нация в самом начале своего национального становления¹⁶.

«Кумон дориру»: экстериоризация глобального масштаба

Если перевод «Сэкай кунидзукуси» на современный японский язык можно считать экстериоризацией только с известными оговорками, то в случае с учебными материалами по методике Кумона («Кумон дориру»), можно уверенно говорить о выходе детской японской литературы «изнутри вовне» — то есть об экстериоризации ее образа как своеобразной национальной литературы, который материализовался за пределами Японии в виде постоянно растущего корпуса переводных изданий самых разных жанров, включая учебную литературу. Изучение хронологии переводов японского детлита позволяет установить временные отрезки, когда актуализировался и реализовывался этот проект по «глобализации» японской детской литературы.

Согласно базе данных «Японская детская литература, изданная за рубежом»¹⁷ (созданной на основе библиотечного фонда Международной библиотеки детской литературы в Токио), первые переводы японской детской литературы на иностранные языки начали появляться в конце 1950-х гг. Переводились в основном послевоенные произведения, авторы которых отказались от идейности как литературного приема и работали в жанре нового реализма. Это были единичные переводы.

В последующие два десятилетия, так называемый «золотой век» японского детлита (и особенно японской книжки-картинки), когда в условиях доминирования эстетической функции [Байбикова 2022, 102] формировался канон послевоенной детской литературы, количество переводов хотя и заметно увеличилось, но счет все еще шел на десятки. Учебных пособий среди этих первых переводов не было. В этот же период японские детские издательства открывают для

себя Болонскую ярмарку и, регулярно участвуя в ней с 1973 г., начинают предпринимать усилия по распространению японской детской книги за пределами Японии [Курита 2011, 106].

Конец 1970-х — середина 1980-х гг. — переходный период в истории современной японской детской литературы: одновременно усилились развлекательная и образовательная функции [Байбикова 2022, 102], что создало предпосылки для появления литературного направления *edutainment* (что можно перевести как «развлечёба», сочетающего в равной мере образовательную и развлекательную цели чтения), начали появляться произведения в новых жанрах, таких как нонсенс, фэнтези, концептуальные книжки-картинки и кроссоверная литература. В течение четырех лет с 1980 г. по 1983 г. на иностранных языках вышло практически столько же переводов японского детлита, сколько вышло с 1964 г. по 1979 г. Японию заметили: в 1983 г. Американская библиотечная ассоциация впервые присуждает премию Милдред Л. Батчелдер за переводное произведение детской литературы японскому автору (книжка-картинка «Хиросима» Маруки Тоси). А в 1984 г. происходит еще более значительное для японской детской литературы событие — премию им. Ханса Кристиана Андерсена впервые получает иллюстратор из Японии (художник Анно Мицумаса). В самой Японии начинают появляться научные и общественные институты, продвигающие интернационализацию национальной детской литературы, такие как Осацкий международный институт детской литературы (ICLO) (1984), агентство по правам Japan Foreign Rights Center (1984), Международная премия братьев Гримм за исследования в области детской литературы (1987). Внутри страны постепенно происходит переосмысление японской литературы как интегральной части всемирного литературного ландшафта.

В 1991 г. и 1993 г. при поддержке Японского фонда (а также японского ПЕН-клуба, газеты «Ёмиури» и «Japan Foreign Rights Center») и при участии иностранных переводчиков, японских писателей и издателей проводятся симпозиумы на темы, связанные с проблематикой культурного трансфера: «Как передать японскую культуру», «Японская литература в мире» [Курита 2011, 326–327]. В 1994 г. премией Андерсена награждают японского поэта Мадо Митио. По данным базы «Японская детская литература, изданная за рубежом», за десятилетие, минувшее с первого присужденного японцам «детского Нобеля», было опубликовано в три раза больше переводов, чем за предыдущие двадцать лет. Конец XX в. в истории японской детской литературы ознаменовался проведением первого

«Года детского чтения» и созданием Международной библиотеки детской литературы (ILCL) на базе бывшей Императорской библиотеки в Токио. А в 2002 г. Государственное агентство по делам культуры запустило проект JLPP (Japanese Literature Publishing Project) по продвижению и популяризации японской литературы (в том числе детской) за рубежом. Таким образом, процесс «глобализации» японского детлита актуализировался в конце 1980-х гг., и в третье тысячелетие японская детская литература вступает в статус «глобальной» литературы, то есть литературы, доступной в мировом масштабе, в частности благодаря переводам на разные языки.

Приблизительно в этот период начинают выходить и переводы развивающих познавательных книг: на индонезийском, корейском и китайском выходят японские книжки-викторины для младших школьников на тему «окружающий мир»; на корейский и французский переводятся игровые книги Гоми Таро (впоследствии переведенные так же и на другие языки, в том числе на английский и на русский). Однако книги Гоми, скорее можно отнести к концептуальным книжкам-картинкам (подобно математическим книгам Анно Мицумасы, которые переводились начиная с восьмидесятых годов). Что же касается книжек-викторин — они так и остались представленными только в Восточной и Юго-восточной Азии, то есть в данном случае трансфер не привел к полномасштабной экстериоризации. И кроме того, в обоих случаях мы имеем дело с книгами, изданными универсальными детскими издательствами, а не профильными, специализирующимися на учебной и образовательной литературе.

Интересно сопоставить с этими двумя примерами «развивающие тетради Кумон», изданные одноименным профильным издательством «Кумон соппан». Название издательства происходит от фамилии Кумона Тору, разработчика особой методики по развитию базовых учебных навыков и основателя системы учебных центров Кумон. Центры Кумон начали работать в Японии с 1958 г., а в США — с 1974 г. [Kumon Group 2023]. Кумоновские тетради на японском языке для самостоятельных занятий с дошкольниками издаются с 1977 г. [Kumon now! 2017], перевод и разработка таких пособий на иностранных языках велись в 1980-е гг., однако долгое время они использовались только в Японии. За границей тетради «Кумон» стали доступны лишь в 2004 г. — сначала на английском [Kumon Group 2023], а в последствии еще на девяти языках, включая испанский, китайский, русский и тайский, после того, как была

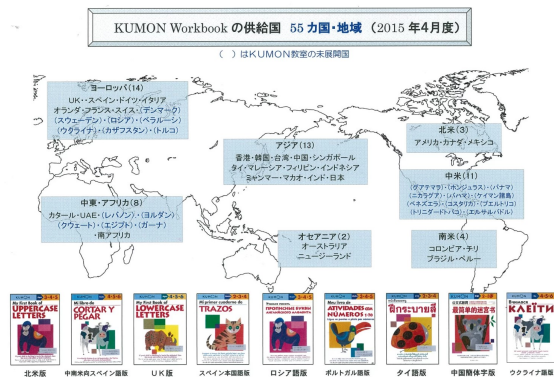

Рис. 4. Страны и регионы, где доступны кумоновские тетради на нескольких или на одном из представленных в линейке языков [Kumon now! 2016]

основана дочерняя издательская компания в Америке, ставшая одной из первых подобного рода издательств¹⁸ (рис. 4).

Почему понадобилось 20 лет, чтобы иноязычные переводы пособий добрались до аудитории за пределами Японии? Разумеется, на это повлияло множество факторов — экономических, юридических и прочих. Но, кроме того, немаловажным представляется фактор, уже упомянутый выше: завершение процесса экстериоризации и очередное «зарождение» японской детской литературы как литературы глобальной — не универсальной, а «своеобычной», обладающей характерными национальными чертами и при этом доступной по всему миру.

В случае с «развивающими тетрадями Кумон» в качестве такой национальной черты глобальным сообществом интериоризировался сам учебный метод (методика индивидуального развития), а его «внешняя упаковка» была подвергнута локализации. Локализация осуществлялась и на уровне языка (например, в одном из заданий из-за несоответствия реалий понадобилась замена слова «арбузы» на слово «апельсины» [Kumon now! 2016]), и на концептуальном уровне — в контексте позиционирования учебных пособий.

Так, в японском пособия называются «Кумон дориру» (яп. くもんどりる), где «дориру» — это транслитерация английского «drill», которое было заимствовано в японский язык в значении «методич-

ная, повторяющаяся практика, направленная на совершенствование умений и мастерства» и в целом имеет положительную коннотацию. Записанное знаками катаканы (слоговой азбуки, используемой в японском языке для записи иностранных слов) это методическое понятие уже на визуальном уровне сразу идентифицируется как заимствование, что в некоторой степени подкрепляет его позитивный образ. Однако в английском языке кроме нейтральных значений «упражнение, тренировка» это слово имеет также негативные коннотации: «отработка, муштра». Вероятно, поэтому на английский «Кумон дориру» было переведено как «Kumon workbook». В отличие от понятия «drill», которое обозначает бездумное, механистическое, многократно повторяемое действие, понятие «(home)work» в методистике подразумевает не только отработку навыка, но и применение его в новых ситуациях, а также развитие способностей к организации времени и учебного процесса, получение навыков кооперации и т.д. [Epstein & Voorhis 2001].

А при позиционировании на русском языке термин «workbook» был заменен на «развивающую тетрадь» [МИФ 2024], очевидно, исходя как из формальных характеристик издания (размер и способ использования скорее соответствует параметрам тетради, чем книги), так и представлений о возрасте и компетенциях основной целевой аудитории — дошкольников и младших школьников, занятия которых с материалами Кумона не вполне соответствуют понятийному полю слова «работа» в русском языке. В русскоязычном названии аудитория — не акторы, а объекты «развивающего» действия, оказываемого на них кумоновскими тетрадями.

Таким образом, в трех рассматриваемых нами культурных контекстах концептуальное позиционирование пособий различно, но с точки зрения культурного трансфера общим для всех трех вариантов является создание — через использование концептов с разными коннотациями — положительного образа методики, которая, как уже упоминалось выше, воспринимается как «национальный» и, следовательно, критически важный элемент при экстерииоризации детской литературы.

Заключение

В данном очерке учебные книги рассматриваются в качестве первых детских книг и анализируются в контексте проблематики, связанной с культурным трансфером. Аналитической рамкой служат три разных трактовки такого неоднозначного понятия как

«зарождение национальной детской литературы» и понятие «направленности» культурного трансфера.

На конкретных примерах из истории японской детской книги с середины XVII в. и до наших дней мы рассмотрели специфику бытования «учебных» жанров (таких как энциклопедия, учебник и развивающие тетради), а также роль культурного трансфера на ранних этапах формирования детской литературы.

Результаты анализа дают возможность с высокой долей вероятности утверждать, что в ситуации культурного трансфера независимо от исторического момента, характера взаимодействия агента трансфера с текстом, а также от направленности (будь то интериоризация или экстериоризация) учебные жанры являются важным жанровым элементом зарождающейся детской литературы — не только национальной, но и глобальной.

Примечания

- ¹ Именно поэтому в классификации Н. Андерсон учебники имплицитно представлены либо как разновидность «концептуальных» книжек-картинок, либо как как поджанр нон-фикшн. А в трактовке К. Рэйнолдс они, по-видимому, находятся где-то в середине обозначенного ею хронологического спектра.
- ² Сэндзимон (кит. Цянь цзы вэнь) — «Пропись тысячи знаков». Сочинение, составленное придворным поэтом и каллиграфом Чжи-юном (ок. 557–617 (?)). Наряду с другими классическими китайскими текстами «Сэндзимон» широко использовался в Японии начиная с периода Нара (710–794) в обучении письму и конфуцианским ценностям. И по сей день считается одним из главных «букварей» для каллиграфа [Беляев 2018, 27].
- ³ Благодаря особенностям оформления, в частности качеству и количеству иллюстраций, «Киммо дзуи» привлекала не только для родителей, намеренных обучать своих детей, но и неграмотных взрослых, желавших освоить грамоту. Энциклопедия имела успех, и, став образцом для последующих изданий в энциклопедическом жанре, вышла за пределы круга детского чтения. Примечательно, что это отразилось на оформлении — в более поздних изданиях энциклопедии иллюстрации композиционно устроены гораздо сложнее, текста значительно больше, шрифт заметно мельче, а также нарушена структура «один элемент — одна иллюстрация» (см., напр., иллюстрированные тома из третьего переиздания 1789 г. [Накамура 1789]).
- ⁴ Другое название «Иллюстрированный свод трех начал». Амбициозное издание в 106 томах, автор которого Ван Ци (1565–1614) поделил вещи

и явления мира на четырнадцать категорий и снабдил каждый элемент описанием и иллюстрациями, отобранными из более ранних источников. Информация, содержащаяся в «Сансай дзу», не ограничивалась миром природы и включала подробные сведения обо всем: от географии до музыкальных инструментов. Отличительной чертой книги было богатство визуальных образов [Яковенко 2017].

- ⁵ Исигами указывает также на неназванные источники, обозначенные Накамурой в целом как «разные философские книги и иллюстрированные травники» [Исигами 2018, 71]. Некоторые исследователи в качестве возможного источника упоминают получившую в Японии широкую известность энциклопедию «Бэнь цао ганму» (1598) [Компендиум лекарственных трав] [Яковенко 2017, 130–131].
- ⁶ «Киммо дзуи» задумывался Накамурой как иллюстрированный лексикон [Исигами 2018, 73], но энциклопедия могла также использоваться в качестве пособия по обучению чтению и письму. Исследователи указывают на то, что иллюстрации, представленные в словаре, были рассчитаны на неграмотную аудиторию [Яковенко 2017, 131–132], которую автор видели, именно как детскую.
- ⁷ Интересным представляется тот факт, что эта своего рода «переориентация» на детскую аудиторию наблюдается именно в период правления Токугавы Иэцунэ (1651–1680) — сёгуна-ребенка, пришедшего к власти в возрасте десяти лет. И хотя от лица Иэцунэ государством фактически управляли регенты, формально главой правительства был именно он. Нельзя исключать того, что данное обстоятельство могло сыграть определенную роль в переосмыслении восприятия детей как членов социума со стороны образованного населения.
- ⁸ Вместе с тем Накамура Тэкисай, по-видимому, несколько опередил свое время в том, что касается восприятия детей как отдельной читательской категории. Свидетельством этого можно считать тот факт, что к концу XVIII в. энциклопедия прочно вошла в круг чтения взрослых и перестала восприниматься как детское чтение.
- ⁹ Храмовые школы получили распространение благодаря многовековому статусу буддийских храмов как естественных очагов просвещения. Они делали упор на преподавание начал грамоты и простых навыков, необходимых в повседневной жизни. А возникновение княжеских школ было продиктовано необходимостью закрепления существовавшего сословно-иерархического деления общества. Доминантой в обучении было воспитание безграничной преданности сюзерену и принципам феодального устройства, а для достижения этой цели широко применялись постулаты классического китаеведения, в основе которого лежали идеи конфуцианства. Подробно школьное образование в эпоху Токугава описано в статье «Школьное обучение в период Токугава. Княжеская школа как элемент средневекового образования» [Прасол 1998].

- ¹⁰ Вплоть до середины XIX в. так же обстояла ситуация и с массовыми жанрами иллюстрированной популярной литературы периода Токугава. Например, обильно иллюстрированные книги в жанре «акахон», содержащие сказки и другие фольклорные формы, были востребованы практически в равной степени детьми, женщинами и мужчинами из низших сословий. То есть дети оказывались не отдельным типом читателя, а интегральной частью широкой малограмотной аудитории, на которую были рассчитаны такие книги [Williams 2012].
- ¹¹ Сосуществованию в Японии вплоть до второй половины XIX в. «параллельных» традиций перевода, разведенных по языкам, посвящено исследование Ребеки Клементс [Clements 2015].
- ¹² Миссия Такэноути была отправлена в Европу сэгунатом Токугава в январе 1862 г. и вернулась в Токио в январе 1863 г. Главой миссии был Такэноути Ясунори, губернатор провинции Симоцукэ (соответствует современной префектуре Тотиги). Главой секретариата миссии был Сибата Садатаро. Фукудзава Юкити принимал участие в миссии как один из двух переводчиков, назначенных отделом иностранных переводов. Основная цель миссии заключалась в отсрочке открытия японских городов и портов для иностранной торговли, а также в переговорах с Россией по поводу оспариваемых северных территорий [Окацука 2019, 130, 135]. Однако, кроме того, членами миссии от военного правительства Японии (бакуфу) был получен приказ исследовать, каких успехов достигли другие страны в различных областях (таких как торговля, система образования, индустриальное производство и машиностроение, с упором на военную отрасль). Правительство бакуфу впоследствии намеревалось использовать результаты этих исследований для национальных реформ и укрепления централизованной власти [Kutsuzawa 2015, 12].
- ¹³ Утияма [Uchiyama 2009, 70] отмечает, что в MSG детально описываются расы, а расовые характеристики интерпретируются как факторы цивилизационного прогресса. В «Сэкай кунидзукуси» хоть и представлены пять рас, но не так подробно и без указания на значимость расовых характеристик для развития нации.
- ¹⁴ И все же в более поздних сочинениях Фукудзава сравнивал Японию с Россией явно не в пользу последней. В его автобиографии 1899 г. мы находим следующий хорошо известный пассаж:

Когда я смотрю на все остальные народы Востока в их сегодняшнем состоянии, я убежден, что нет никакой другой нации, которая обладала бы способностью и мужеством отправиться в плавание на пароходе через Тихий океан, имея всего лишь пять лет навигационного и инженерного опыта. Такое достижение сочли бы актом беспрецедентного мастерства и отваги не только на Востоке. Даже Петр Великий из России, который отправился в Голландию изучать мореплавание, не мог бы — несмотря на все его научные знания — предложить ничего, что

сравнилось бы с этим достижением японцев. Без сомнения, знаменитый русский царь был гениальным человеком, но его народ не пошел за ним в том, что касается практической науки, так, как сделали наши японцы... [Fukuzawa [1899] 1934, 118–119].

- 15 К перечисленному выше можно также добавить, что учебник был переведен стихотворным размером *сугиготё*, часто использующимся в текстах для детей.
- 16 Подробный анализ современного перевода учебника Фукудзавы представлен в нашей более ранней публикации [Baibikov 2020].
- 17 База данных на японском языке доступна по ссылке: <https://www.kodomo.go.jp/search/translated/index.html>.
- 18 Компания Viz Media была сформирована в 2005 г. после слияния американской компании VIZ LLC с ShoPro Entertainment. Совладельцами VIZ являются японские издательские компании Shogakukan и Shueisha; издательство Kodansha USA было создано в 2008 г.; Издательская компания Kadokawa приобрела американское издательство J-Novel Club LLC в 2021 г.

Литература

Источники

KUMON now! 2016 — KUMON now! くもん出版—外国語版ドリル [Kumon Workbook] [Тетради для упражнений Kumon Workbook издательства Кумон на иностранных языках] // Kumon Institute of Education. 2016. URL: <https://www.kumon.ne.jp/kumonnow/topics/vol092/>.

KUMON now! 2017 — KUMON now! 「くもんの幼児ドリル」誕生から40年 [Тетради для упражнений Кумон для дошкольников — 40 лет со дня рождения] // Kumon Institute of Education. 2017. URL: <https://www.kumon.ne.jp/kumonnow/topics/vol092/https://www.kumon.ne.jp/kumonnow/topics/vol240>.

Курита 2011 — [Курита А.] 海の向こうに本を届ける—著作権輸出への道 [Доставляя книги за моря— как мы учились покупать и продавать авторские права]. Токио: 晶文社, 2011.

МИФ 2024 — Развивающие тетради KUMON // МИФ: Онлайн-каталог издательства. 2024. URL: <https://www.mann-ivanov-ferber.ru/catalog/tag/kumon/>.

Накамура 1666 — [Накамура Т.] 中村易斎. 『訓蒙図彙』 [Собрание картинок для обучения] 1666 // Архив Национальной парламентской библиотеки. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/2609084>.

Накамура 1789 — [Накамура Т.] 中村易斎. 『頭書増補訓蒙図彙大成』 [Дополненное и расширенное собрание картинок для обучения] 1789 //

Архив Национальной парламентской библиотеки. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/2605890>.

Фукудзава 1871 — [Фукудзава Ю.] 福澤諭吉. 『世界國盡』 卷1 [Все страны мира. Т. 1]. 1871 // Архив учебников новейшего времени; Национальный институт образовательной политики. URL: https://nierlib.nier.go.jp/орас/орас_download_md/EG00002780/900037237.pdf.

Фукудзава 1871a — [Фукудзава Ю.] 福澤諭吉. 『世界國盡』 卷3–4 [Все страны мира. Т. 3–4]. 1871 // Архив учебников новейшего времени; Национальный институт образовательной политики. URL: https://nierlib.nier.go.jp/орас/орас_download_md/EG00002781/900037240.pdf.

Fukuzawa 1934 — Fukuzawa YU. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi / E. Kiyooka trans., Tokyo: The Hokuseido Press, 1934.

Kumon Group 2023 — The Kumon Method: expanding globally and taking root in local communities // Kumon Milestones. 2023. URL: <https://www.kumongroup.com/eng/about-kumon/background/>

Mitchell 1849 — Mitchell S. A. A System of Modern Geography: comprising a description of the present state of the world and its five great divisions. Philadelphia: Thomas Cowperthwait & Co, 1849. URL: https://archive.org/details/cihm_52344.

Исследования

Байбикова 2022 — Байбикова Е. Колобок в Японии. Трансформации. К вопросу о специфике повторных переводов в детской литературе // Кобэгайдай ронсо. 2022. № 1(75). С. 89–106.

Безрогов 2017 — Безрогов В. К вопросу о ранних переводах «Orbis sensualium pictus» Яна Амоса Коменского на русский язык // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2017. № 45. С. 11–30.

Беляев 2018 — Беляев А. BUNGEIRON Взгляд на японское письмо. М.: РГГУ, 2018.

Исигами 2018 — [Исигами А.] 石上阿希. 「『訓蒙図彙』考序論—絵入百科事典データベース構築とともに」 [Введение в изучение «Киммо дзуи» — по случаю создания базы данных на основе иллюстрированных энциклопедий] // Proceedings of the Overseas Symposium in Otago: Japanese Studies Down Under: History, Politics, Literature and Art / ed. by N. Guo & T. Shogimen. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies. 2018. Pp. 69–78.

Каратани 2004 — [Каратани К.] 柄谷行人. 『日本近代文学の起源増補改訂版』 [Происхождение современной японской литературы. 2-е доп. и испр. изд.]. 岩波書店, 2004.

Королев, Кудрявцева 2014 — Королев В., Кудрявцева С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 190–208.

Минамото 1997 — [Минамото С.] 源昌久. 「福沢諭吉著『世界国尽』に関する一研究」 [Библиографическое исследование учебника «Все страны мира» Фукудзавы Юкити] // 空間・社会・地理思想. 1997. № 2. Рр. 2–18.

Ногами 2008 — [Ногами А.] 野上暁. 「子ども学その源流へ—日本人の子ども観はどう変わったか」 [У истоков науки о детстве — как менялся взгляд японцев на детей и детство]. Токио: 大月書店, 2008.

Оцука 2019 — [Оцука А.] 幕末の外交使節団—使節一行と野々村一之進 [Дипломатические миссии в конце периода Эдо — Члены посольства и Нономура Итаносин] // In *Samurai — Peacekeeping Contributors in Edo Period* / ed. by N. Tahara et al. Киото: 青幻舎, 2019. Рр. 130–137.

Прасол 1998 — Прасол А. Школьное обучение в период Токугава: Княжеская школа как элемент средневекового образования // Россия и АТР. 1998. № 2. С. 106–119.

Торигоэ 2001 — [Торигоэ С.] 鳥越信. 『はじめて学日本児童文学史』 [Первые шаги в изучении истории японской детской литературы]. Киото: ミネルヴァ書房, 2001.

Яковенко 2017 — Яковенко С. Образы ё:кай на страницах первых японских «Энциклопедий» // Россия и АТР. 2017. № 2(96). С. 128–140.

Anderson 2006 — Anderson N. A. *Elementary children's literature: The basics for teachers and parents* (2nd ed.). Boston: Pearson Education, 2006.

Baibikov 2020 — Baibikov E. *Recycled Images: 21st Century Edition of Fukuzawa Yukichi's Geography Textbook* // *The Asia-Pacific Journal Japan Focus*. 2020. Vol. 18(5), issue 20. URL: <https://apjif.org/2020/20/Baibikov.html>.

Baibikov 2024 — Baibikov E. *Japanese Modern Textbook Digital Archive: The collection overview from the user's perspective* // *The Lion and The Unicorn*. 2024. Vol. 48, no. 2. (Forthcoming).

Baxter 2007 — Baxter J. C. *Shaping National Historical Consciousness: Japanese History Textbooks in Meiji-era Elementary Schools* // *Writing Histories in Japan: Texts and their Transformations from Ancient Times through the Meiji Era* / ed. by J. C. Baxter and J. A. Fogel. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies. 2007. Рр. 317–350. DOI: <http://doi.org/10.15055/00001454>.

Clements 2015 — Clements R. *A Cultural History of Translation in Early Modern Japan*. Cambridge: CUP, 2015.

Epstein Voorhis 2001 — Epstein J. L., Voorhis F. L. Van. *More Than Minutes: Teachers' Roles in Designing Homework* // *Educational Psychologist*. 2001. Vol. 36, no. 3. Рр. 181–193. DOI: [10.1207/S15326985EP3603_4](https://doi.org/10.1207/S15326985EP3603_4).

Fijałkowski 2010 — Fijałkowski A. Vortrag zur Eröffnung der Ausstellung „Orbis Pictus. Die Welt in Bildern des Johann Amos Comenius“ am 6. Mai 2010 in der BBF // Mitteilungsblatt des Förderkreises Bibliothek für Bildungsgeschichtliche Forschung e.V. / hrsg. Ch. Ritzi. 2010. Vol. 21(1). Pp. 15–21. DOI: 10.25656/01:15938.

Hagström 2015 — Hagström L., Gustafsson K. Japan and identity change: why it matters in International Relations // *The Pacific Review*. 2015. Vol. 28, no. 1. Pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.969298>.

Hellman 2013 — Hellman B. *Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)*. Leiden: Brill, 2013. (Russian History and Culture 13).

Jinguh 1996 — Jinguh T. Japan // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. Routledge, 1996. Pp. 826–831.

Kimbrough 2015 — Kimbrough R. K. Bloody Hell!: Reading Boys' Books in Seventeenth-Century Japan // *Asian Ethnology*. 2015. Vol. 74, no. 1. Pp. 111–139.

Kutsuzawa 2015 — Kutsuzawa N. The Takenouchi Mission and Western Culture: The Introduction of the Telegraph // *Bunmei*. 2015. No. 20. Pp. 11–16.

Lesnik-Oberstein 1996 — Lesnik-Oberstein K. Defining Children's Literature and Childhood // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. Routledge, 1996. Pp. 15–29.

Ray 1996 — Ray S. The World of Children's Literature: An Introduction // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. Routledge, 1996. Pp. 645–654.

Reynolds 2011 — Reynolds K. *Children's Literature: A Very Short Introduction*. Oxford: OUP, 2011.

Takezawa 2015 — Takezawa Y. Translating and Transforming 'Race': Early Meiji Period Textbooks // *Japanese Studies*. 2015. Vol. 35, no. 1. Pp. 5–21.

Stadt- und Landesbibliothek Potsdam 2010 — Stadt- und Landesbibliothek Potsdam (Eds). *Comenius Johann Amos // Buchpatenschaften. XVII. Auswahlkatalog. Das 18. Jahrhundert — Aufklärung in Preußen*. Potsdam, 2010. P. 22.

Uchiyama 2009 — Uchiyama A. Translation as representation: Fukuzawa Yūkichi's representation of the "Others" // *Agents of translation* / Ed. by J. Milton & P. Bandia. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. Pp. 63–83.

Williams 2012 — Williams K. H. *Visualizing the Child: Japanese Children's Literature in the Age of Woodblock Print, 1678–1888*: doctoral dissertation. Harvard University, 2012.

References

- Anderson 2006* — Anderson, N. A. (2006). Elementary children's literature: The basics for teachers and parents (2nd ed.). Boston: Pearson Education.
- Baibikov 2020* — Baibikov, E. (2020). Recycled Images: 21st Century Edition of Fukuzawa Yukichi's Geography Textbook. *The Asia-Pacific Journal Japan Focus*, 18(5), 20. Retrieved from: <https://apjff.org/2020/20/Baibikov.html>.
- Baibikov 2022* — Baibikov, E. (2022) Kolobok v Yaponii. Transformatsii: k voprosu o spechifike povtornykh perevodov v detskoj literature [Kolobok in Japan. Transformations: on specifics of retranslation in children's literature]. *Kobegaidai ronso*, 1(75), 89–106.
- Baibikov 2024* — Baibikov, E. (2024). Japanese Modern Textbook Digital Archive: The collection overview from the user's perspective. *The Lion and The Unicorn*, 2(48), forthcoming.
- Baxter 2007* — Baxter, J. C. (2007). Shaping National Historical Consciousness: Japanese History Textbooks in Meiji-era Elementary Schools. In J. C. Baxter, J. A. Fogel (Eds.), *Writing Histories in Japan: Texts and their Transformations from Ancient Times through the Meiji Era* (pp. 317–350). International Research Center for Japanese Studies.
- Belyaev 2018* — Belyaev, A. (2018). BUNGEIRON Vzlyad na yaponskoe pis'mo [BUNGEIRON View on Japanese Writing]. Moscow: RGGU.
- Bezrogov 2017* — Bezrogov, V. (2017). K voprosu o rannikh perevodakh "Orbis sensualium pictus" Yana Amosa Komenskogo na russkii yazyk [Early Unpublished Russian Translations of Orbis Sensualius Pictus by Jan Amos Comenius]. *Vestnik PSTGU. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*, 45, 11–30.
- Clements 2015* — Clements, R. (2015). *A Cultural History of Translation in Early Modern Japan*. Cambridge: CUP.
- Epstein, Voorhis 2001* — Epstein, J. L., Voorhis, F. L. Van. (2001). More Than Minutes: Teachers' Roles in Designing Homework. *Educational Psychologist*, 36 (3), 181–193. 10.1207/S15326985EP3603_4.
- Fijałkowski 2010* — Fijałkowski, A. (2010). Vortrag zur Eröffnung der Ausstellung „Orbis Pictus. Die Welt in Bildern des Johann Amos Comenius“ am 6. Mai 2010 in der BBF. In Ch. Ritzi (Hrsg.), *Mitteilungsblatt des Förderkreises Bibliothek für Bildungsgeschichtliche Forschung e.V.*, 21(1), 15–21. 10.25656/01:15938.
- Hagström Gustafsson 2015* — Hagström, L., Gustafsson, K. (2015). Japan and identity change: why it matters in International Relations. *The Pacific Review*, 1(28), 1–22. 10.1080/09512748.2014.969298.
- Hellman 2013* — Hellman, B. (2013). *Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)*. (Russian History and Culture 13). Leiden: Brill.

Ishigami 2018 — Ishigami, A. (2018). “Kinmō zui” kōjoron — eiri hyakkajiten dētābesu kōchiku to tomoni. (Introduction to “Kinmō zui”: on occasion of the construction of an illustrated encyclopedia database). In N. Guo & T. Shogimen (Eds.), Proceedings of the Overseas Symposium in Otago: Japanese Studies Down Under: History, Politics, Literature and Art (pp. 69–78). Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Jinguh 1996 — Jinguh, T. (1996). Japan. In P. Hunt (Ed.), International Companion Encyclopedia of Children’s Literature (pp. 826–831). Routledge.

Karatani 2004 — Karatani, K. (2004). Nihon kindai bungaku no kigen zōhōkaiteiban [Origins of Modern Japanese Literature — enlarged and revised edition]. Iwanami shoten.

Kimbrough 2015 — Kimbrough, R. K. (2015). Bloody Hell!: Reading Boys’ Books in Seventeenth-Century Japan. *Asian Ethnology*, 1(74), 111–139.

Korolev, Kudryavtseva 2014 — Korolev, V., Kudryavtseva, S. (2014). “Myagkaya sila” sovremennoi Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya [Soft Power of Modern Japan: Practice and Developments]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 2, 190–208.

Kutsuzawa 2015 — Kutsuzawa, N. (2015). The Takenouchi Mission and Western Culture: The Introduction of the Telegraph. *Bunmei*, 20, 11–16.

Lesnik-Oberstein 1996 — Lesnik-Oberstein, K. (1996). Defining Children’s Literature and Childhood. In P. Hunt (Ed.), International Companion Encyclopedia of Children’s Literature (pp. 15–29). Routledge.

Minamoto 1997 — Minamoto, S. (1997). Fukuzawa Yukichi cho Sekai kunizukushi ni kansuru ichi-kenkyū: shoshigaku-teki chōsa. [A study on Fukuzawa Yukichi’s All the countries of the world — bibliographic research]. *Kūkan, shakai, chiri shisō*, 2, 2–18.

Nogami 2008 — Nogami, A. (2008). Kodomogaku sono genryū he — nihonjin no kodomokan dō kawattanoka? [Looking back at the source of childhood studies — How did the views on Childhood evolve in Japan]. Tokyo: Otsuki Shoten.

Otsuka 2019 — Otsuka, A. (2019). Bakumatsu no gaikō shisetsudan — shisetsu ikkō to Nonomura Ichinoshin [Foreign Diplomatic Missions at the End of the Edo Period — The Mission Members and Nonomura Ichinoshin]. In N. Tahara et al (Eds.), *Samurai — tenkaihei wo sasaeta hitobito [Samurai — Peacekeeping Contributors in Edo Period]* (pp. 130–137). Kyoto: Seigensha.

Prasol 1998 — Prasol, A. (1998). Shkol’noe obuchenie v period Tokugawa. Knyazheskaya shkola kak element srednevekovogo obrazovaniya [Japanese school education in Tokugawa period (1600–1867)]. *Rossiia i ATR*, 2, 106–119.

Ray 1996 — Ray, S. (1996). The World of Children’s Literature: An Introduction. In P. Hunt (Ed.), International Companion Encyclopedia of Children’s Literature (pp. 645–654). Routledge.

Reynolds 2011 — Reynolds, K. (2011). *Children's Literature: A Very Short Introduction*. Oxford: OUP.

Stadt- und Landesbibliothek Potsdam 2010 — Stadt- und Landesbibliothek Potsdam (Eds.). (2010). *Comenius Johann Amos*. In *Buchpatenschaften*. XVII. Auswahlkatalog. Das 18. Jahrhundert — Aufklärung in Preußen (p. 22). Potsdam.

Takezawa 2015 — Takezawa, Y. (2015). *Translating and Transforming 'Race': Early Meiji Period Textbooks*. *Japanese Studies*, 1(35), 5–21.

Torigoe 2001 — Torigoe, SH. (2001) *Hajimete manabu nihon jidō bungakushi* [History of Japanese Children's Literature for beginners]. Kyoto: Mineruva Shobō.

Uchiyama 2009 — Uchiyama, A. (2009) *Translation as representation: Fukuzawa Yukichi's representation of the "Others"*. In J. Milton, P. Bandia (Eds.), *Agents of translation* (pp. 63–83). Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Williams 2012 — Williams, K. H. (2012) *Visualizing the Child: Japanese Children's Literature in the Age of Woodblock Print, 1678–1888* (doctoral dissertation). Harvard University.

Yakovenko 2017 — Yakovenko, S. (2017). *Obrazy yo:kaj na stranitsakh pervyh japonskikh "Entsiklopediy"*. [Yōkai's images in the first Japanese "encyclopedias"]. *Rossiya i ATR*, 2(96), 128–140.

Elena Baibikov

Kobe City University of Foreign Studies

FAIRYLESS TALES AT THE SOURCE OF JAPANESE KIDLIT: SOME
THOUGHTS ON INSTRUCTIONAL GENRE AS A PART OF
EMERGENT NATIONAL CHILDREN'S LITERATURE

Focusing on the dynamics of cultural transfer, this essay examines the shifting landscape of Japanese children's literature, tracing its formation from the 17th century to the present through the lens of educational literature. It presents specific examples of instructional materials — encyclopedias, textbooks etc. — to illustrate the diversity of genres within educational literature and their impact on the emerging identity of Japanese children's literature, particularly in comparison with other genres such as folklore and fairy tales. The essay proposes three interpretations of the concept of “emergence of national children's literature” and explores the notion of cultural transfer directivity. By analyzing specific examples from the history of Japanese children's books, it sheds light on the role of intercultural exchange in the formative stages of children's literature. Ultimately, the research underscores the significance of instructional genres as an important element of the genre spectrum of nascent children's literature — national and global alike.

Keywords: national children's literature, global children's literature, cultural transfer, translation of textbooks, reference literature, interiorization, exteriorization